

Глава 38

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 11)

Лицо Чао Цы почти полностью утопало в сбитых простынях. Из его груди то и дело вырывались сдавленные, похожие на рыдания звуки, а тонкое тело била крупная дрожь.

Мужчина крепко сжал его талию и негромко фыркнул:

— Чего ты дрожишь? Неужели не нравится?

— Ты ведь едва дышишь от восторга, к чему этот фарс? С таким лицом ты еще смеешь помышлять о том, чтобы хранить верность покойнику?

Пальцы мужчины впились в талию Чао Цы, оставляя глубокие следы — Лу Янь не знал милосердия.

Небо уже вовсю сияло ярким дневным светом.

Чао Цы очнулся среди беспорядка, в который превратилась огромная кровать. Тяжелые цепи всё еще сковывали его руки и ноги — стоило ему пошевелиться, как тишину покоев прорезал резкий металлический лязг.

Тело отозвалось нарастающей болью, волной разошедшейся от суставов по каждой жилке. На мгновение юноша замер, словно через него пропустили электрический разряд. Помимо всепоглощающей ломоты он ощущал неприятную липкость, покрывавшую кожу.

Его лицо мгновенно потемнело от гнева.

«Этот мелкий мерзавец! — яростно бушевал Чао Цы в разговоре с Системой. — Ладно бы просто бросил меня здесь, но он даже не соизволил привести меня в порядок!»

[.....]

Понимая паршивое состояние своего подопечного, Система не стала возражать, лишь озадаченно пробормотала:

[Этот Лу Янь оказался куда жестче Цзинь Яо. С чего бы это? Ты ведь, по сути, ничего ему не сделал?]

Если рассуждать здраво, Истинный владыка Юэ Чжи, пусть и не любил Лу Яня по-настоящему, оказал ему неоценимую услугу, буквально вытащив из бездны. Но сейчас казалось, что тот ненавидит Чао Цы до глубины души.

«Тебе, как набору данных, не понять всей сложности человеческих чувств, — вздохнул Чао Цы. — Благодарность легко превращается в обиду. Раньше он был уверен, что я люблю его до беспамятства, что из-за него я попал в ловушку сердечных привязанностей. А теперь выясняется, что я просто хотел разорвать все связи и вообще видел в нем лишь чужую тень. С точки зрения логики я ему ничего не должен, но с точки зрения его чувств... он, должно быть, ненавидит меня до мозга костей»

[Но ты ведь никогда и не клялся ему в вечной любви! Он сам это себе вбил в голову,] — Система всё еще не могла уловить логику.

«Лу Янь не из тех, кто слушает голос разума, — ответил он. — Такие люди могут быть совершенно беспринципными, но в то же время — запредельно эгоистичными. Сейчас он обладает властью, в обоих мирах нет никого, кто мог бы ему противостоять. Ему больше не нужно прятать свою истинную натуру, как он делал это раньше. Теперь он оскалил клыки»

«Он всё прекрасно понимает. Знает, что я ему ничем не обязан и что я был его благодетелем. Но он сознательно потакает своим желанием, жадности и ревности. Даже ненависти. Он хочет мучить меня. В идеале — довести до такого состояния, чтобы я испытывал перед ним лишь страх и абсолютную зависимость. Чтобы я не мог даже помыслить о жизни без него», — Чао Цы закончил свою тираду на одном дыхании.

[.....]

Системе стало не по себе.

[Это же... какой-то запредельный уровень неадекватности!]

[И что же тебе делать?] — робко спросила она.

«Пойду ему навстречу. Исполню его желания»

Оставив собеседницу переваривать услышанное, Чао Цы попытался подняться. Именно тогда он обнаружил, что на нем нет ни нитки.

На его лице отразилась сложная смесь ярости и растерянности. Он хотел найти хоть какую-то одежду. Кое-как обмотавшись найденным на постели тонким одеялом, он попытался спуститься, но стоило ему коснуться пола, как ноги, лишённые сил, подогнулись.

Он сделал лишь пару шагов, прежде чем равновесие окончательно изменило ему, и он рухнул

на ковер.

Юноша отчаянно пытался подняться, но те несколько шагов, казалось, выпили из него всё до капли. Как бы он ни боролся, тело оставалось неподвижным.

Истинный владыка Юэ Чжи никогда в жизни не был в столь унижительном положении.

И именно в этот момент он услышал, как открываются двери.

Его тело мгновенно напряглось. Больше всего на свете он боялся, что в покои войдет кто-то посторонний и увидит его в этой жалкой, нелепой позе.

— Я лишь ненадолго отлучился по делам, а Старейшина уже успел довести себя до такого плачевного состояния? — насмешливый голос раздался прямо перед ним.

Это был Лу Янь.

В ту секунду Чао Цы не мог понять, чего в нем больше: облегчения от того, что это не чужак, или жгучего стыда.

Он с трудом поднял голову. Из-под копны растрепанных черных волос сверкнули фениксовые глаза, полные ярости. Он явно хотел осыпать мужчину проклятиями, но тот вел себя настолько бесстыдно, что Старейшина просто не находил слов.

Лу Янь, глядя на него, казался совершенно замороженным. Не обращая внимания на слабое сопротивление, он поднял Чао Цы на руки и легонько поцеловал его в закрытые веки.

— Когда Старейшина гневается, он становится до невозможного соблазнительным, — улыбнулся он.

— Лу Янь, — Чао Цы стиснул зубы. — Раньше ты не был таким... бесчестным.

Собственный голос напугал его: хриплый, надтреснутый, словно порванная струна.

Надо признать, этот человек был куда опаснее Цзинь Яо. Тот был скорее бесчувственным и заторможенным, он просто не понимал эмоций. Лу Янь же понимал всё прекрасно — он просто давал волю своим самым дурным порывам, вымещая их на Чао Цы.

Цзинь Яо не умел улыбаться и всегда был молчалив; он не желал Чао Цы зла, просто выбирал неверные методы. Лу Янь же, напротив, постоянно улыбался, когда методично и неспешно втоптывал достоинство своего пленника в грязь.

Впрочем, боль, причиняемая под маской любви, и боль неприкрытая, в сущности, мало чем отличались.

Лу Янь не обратил на гневные слова никакого внимания. Он перехватил юношу поудобнее и с невозмутимым видом понес его обратно к кровати. Случайно его рука коснулась кожи на бедре Чао Цы — она всё еще была влажной и липкой.

Чао Цы в унижении зажмурился.

— Ваш покорный слуга был непростительно небрежен, — усмехнулся Лу Янь. — Совсем забыл, что вас нужно омыть. Будет дурно, если вы простудитесь.

Чао Цы понимал, что этот мерзавец нагло врет.

Он сделал это намеренно. Намеренно оставил все следы их близости, чтобы продлить его позор.

Лу Янь коснулся губами кончика носа Чао Цы, голос его звучал почти ласково:

— Чувства — вещь естественная, это часть пути совершенствования духа. Старейшине не стоит так терзаться из-за подобных мелочей.

Юноша открыл глаза и с ледяной усмешкой посмотрел на него:

— Зависит от того, с кем именно эти чувства делишь.

Лицо Лу Яня мгновенно преобразилось.

Он впился взглядом в Чао Цы, и выражение его лица стало по-настоящему пугающим.

— С кем именно? Неужели в сердце Старейшины есть место только для этого Лу Цзэи?

Чао Цы промолчал.

Они долго и безмолвно противостояли друг другу, прежде чем Лу Янь сумел подавить бушевавшую в груди ярость.

Он снова поднял Чао Цы, плотно укутал его в одеяло и отнес в купальню, примыкавшую к покоям.

Ощущение липкости на теле было невыносимым, но Чао Цы меньше всего хотел, чтобы Лу Янь касался его. Однако его сопротивление было для мужчины не тяжелее дуновения ветра. Тот с легкостью омыл его, и когда пальцы касались самых сокровенных мест, бережно очищая их, взгляд Лу Яня вновь затуманился от желания.

Чао Цы почувствовал неладное.

Так и случилось — его снова взяли прямо там, в купальне.

Когда Лу Янь закончил приводить его в порядок во второй раз, прошло уже добрых четыре часа. Он на руках отнес Чао Цы обратно в спальню, где на кровати уже успели сменить постельное белье.

В теле Чао Цы не осталось ни капли сил. Как бы он ни презирал этого человека, сейчас он мог лишь бессильно привалиться к его груди, тяжело переводя дыхание.

Лу Янь рассеянно перебирал его длинные черные пряди.

— Как... долго? — Чао Цы пришлось сделать несколько вдохов, прежде чем он смог выдать из себя эти слова.

— Что? — Лу Янь непонимающе склонил голову.

— Как долго... ты собираешься держать меня здесь? — юноша заставил себя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

Лу Янь замер, и лицо его вмиг утратило подобие нежности.

Уголок его губ дернулся в горькой, почти издевательской усмешке:

— Неужели привычка ставить на всё сроки — это ваша неизменная страсть?

Он на мгновение задумался и покачал головой, отвечая самому себе. Голос его стал еще холоднее:

— Впрочем, кажется, я ошибся.

— Вам просто нравится ставить сроки на то, что вам глубоко безразлично.

Чао Цы лишь поджал губы, не находя ответа.

Он не понимал, чем на этот раз задел этого безумца. Ведь в ситуации, где он не мог сопротивляться, он уже пошел на уступки.

— Никаких «как долго», — Лу Янь перестал улыбаться. Он склонился к самому уху Чао Цы и прошептал: — Сколько я буду жить, столько вы и будете со мной.

<http://bllate.org/book/15361/1414525>